

КОРЕН ЗАЙЦКАС

УЧИТЕЛЬ
ДРАМЫ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
3-17

Copyright © 2018 by Koren Zailckas

This translation published by arrangement with Crown,
an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Penguin
Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

Редактр серии Ю. Чернова

Дизайн обложки: дизайн-студия Twenty Twos
Иллюстрация Лидии Куришук

Зайлцкас, Корен.

3-17 Учитель драмы / Корен Зайлцкас ; [перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 480 с.

ISBN 978-5-04-119249-5

«Староватая для инженю, я примерила роль избалованной домохозяйки».

Грейси Мюллер — гордая мать двоих детей и преданная жена, живущая в северной части штата Нью-Йорк. Ее рутина — маленькие дети, брак и финансовое благополучие.

Образ «обыкновенной женщины» всегда удавался Грейси на славу: скрывая свое прошлое, она никого не подпускала слишком близко. Даже собственного мужа Рэнди, который ежегодно поздравлял ее с вымышленным днем рождения.

Когда работа Рэнди перестает быть гарантом экономической стабильности, Грейси понимает: пора вспомнить, чему научил ее любимый отец — как красть чужие личности, чтобы выжить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-119249-5

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Всем учителям, которые в каком-то смысле —
семья, и тем, кто стал ею для меня:
Дональд Дарр, Дэвид Гейтс, Уильям Глэвин,
Карл Хаарманн, Мэри Карр, Донаа Ланца,
Джудит Манделбаум-Шмидт,
Чарли Миллер и Эмбер Смит*

Хорошо обладать чувством
правды, но также надо иметь
и чувство лжи.

КОНСТАНТИН СТАНИСЛАВСКИЙ,
Работа актера над собой

ГРЕЙСИ МЮЛЛЕР

Тебе, наверное, интересно, кто я такой, но я из тех людей, у кого нет обычного имени. Моё имя зависит от тебя.

РИЧАРД БРОТИГАН,
*В арбузном сахаре*¹

---

¹ Бротиган Ричард. В арбузном сахаре. Азбука, 2010. Пер. Фаина Гуревич. (*Прим. пер.*)

Глава один

Менеджер с ресепшен с решительным видом шел за мной, поправляя бейджик на груди.

«Так себе подбор персонала», — подумала я, увидев его отражение в зеркальной нише. Видимо, он хотел выглядеть сурово и непреклонно, но из-за прыщавого подбородка казался обиженным подростком. Если бы я увидела этого раздосадованного парнишку в любом другом месте, а не в курортном спа-комплексе «Оделл», который «Форбс» назвал «современным шато, уютно расположившимся у самого подножия Катскильских гор», я бы решила, что он завалил математику или девушка сказала ему, что они «просто друзья».

— Здравствуйте. Мэм?

Какой он официальный, правильный, как квадрат — хоть сейчас шахматы расставляй и играй. Наверняка сын представителей богемы, каких в округе полно. У этих детей просто не остается других способов бунтовать против давящего авторитета семьи. Когда секс, наркотики и вегетарианство — норма жизни, стабильная работа — вот настоящий вызов.

— Что-то ищете?

— Мама-а-а-а. — Китти потянула меня за пояс белого хлопкового халата. Волосы я зачесала на левую сторону, и они закрывали логотип отеля на груди.

— Милая, не дергай меня, пожалуйста.

Этот халат, подарок от моего первого мужа Оза, — остатки былой роскоши. Он подарил мне его на Рождество несколько лет назад. Его последний подарок, а потом его обвинили в мошенничестве.

Фитц, которому было пять, но ума — на все тридцать, повторил вслед за мной:

— Китти. Мама сказала не дергать ее.

Этот день я хотела полностью посвятить Фитцу. Первый раз в жизни он купался в Каннах, среди дорогих суперъяхт, но потом, к сожалению, пристрастился к общественному Катскильскому бассейну с обгаженными птицами шезлонгами.

— Вы так любезны, — сказала я менеджеру. — Мы здесь встречаемся с друзьями.

Я могла рассчитывать только на акцент, придающий мне утонченность.

В родной Великобритании люди, услышав, как я говорю, испытывали *когнитивный диссонанс*: моя выверенная, правильная речь вызывала такое чувство, будто я *зарываюсь*, или, как еще иногда говорят, *задираю нос*. Меня воспитывали так, как положено в высшем обществе: с правильными «эйч» и «ти», но чтобы слиться с рабочим классом, пришлось выработать привычку растягивать гласные.

А в Штатах существовала только одна разновидность британского акцента. В самых престижных районах Нью-Йорка все искренне полагали, что я лучше образованна, лучше воспитанна и более развита, чем остальные. Продавцы в магазинах восхищались моим произношением («витамины» или «орегано»), словно я была необыкновенной певицей из экзотической страны. Другие мамочки из драмкружка, куда ходил Фитц, относились к нам так, будто мы каждый день ели сэндвичи с огурцом и хранили деньги в офшорах.

Но этого молодого человека, кажется, не впечатлил мой би-би-сишный английский.

— Если вы пройдете со мной к стойке регистрации, я смогу узнать, где ваши друзья.

Я провела пальцем по пустому экрану своего телефона, будто только что получила сообщение.

— Ах вот что. Оказывается, они уже полчаса как ждут у бассейна. Ну что, пойдём к ним, Кит? Фитц?

В этот самый момент телефон завибрировал на самом деле. Из Флориды звонил мой нынешний «муж», Рэнди.

Я кивнула менеджеру: *Одну минутку, извините.*

— Приветтики, Рэнди, все хорошо?

— ...си. Привет. Ты меня... слышишь? — Голос прерывался. То ли из-за нависающих над нами гор, то ли из-за толстых стен отеля.

Вместе с детьми я остановилась у углового столика из черного дерева, наблюдая, как быстро они перемешивают в одну кучу туристические брошюры, — а потом я в два раза дольше раскладывала их по местам.

— Слышу. Но сейчас не очень удобно. Мы к друзьям опаздываем.

— Где? — спросил он. Краткая версия вопроса: «Сколько это будет стоить?»

Я повернулась спиной к Фитцу.

— ИМКА¹, — сказала я тихо.

— И как это возможно с твоей страховкой?

Этот вопрос для меня всегда был как удар в солнечное сплетение.

— Мама, смотри! Паровозик! — воскликнула Китти. Буклеты музея железнодорожного транспорта разлетелись по сверкающему холлу гостиницы, как пропагандистские листовки во время войны.

---

¹ ИМКА (YMCA, Young Men's Christian Association) — молодежная волонтерская организация. Известна благодаря организации детских лагерей.. (Прим. пер.)

— Вполне возможно. — Я положила руку на плечо Фитца за секунду до того, как он вытер нос о шелковый подлокотник дивана.

— То есть ты ее получила? — спросил Рэнди.

— Получаю.

— Просто я не понимаю, почему все так долго. И почему ты не подала заявку на страховку, когда оформляла визу.

— Проглядела.

Два года назад я обратилась за получением грин-карты, которая автоматически предполагала и страховку, но из Министерства внутренней безопасности сообщили, что в представленных документах есть ошибки. Но я не вернулась в Англию, а выдумала иммиграционное интервью в Федерал-Плаза в тот самый день, когда Рэнди закрывал крупную сделку по недвижимости. Я доехала на автобусе до Манхэттена, побаловала себя стейком у Марка Джозефа¹ и через шесть часов вернулась в Катскилл. Рассказала правдоподобную историю, которая успокоила Рэнди на какое-то время. А потом пришла моя карточка резидента с веб-сайта, где можно заказать поддельные документы.

Только наутро после мальчишника я показала ему эту карточку — надеялась, что не заметит смазанный шрифт из-за похмелья.

Липовое удостоверение — далеко не самое большое вранье в нашем браке. Официально я все еще была замужем за Озом. Потому что заявление на развод и неизбежная бумажная волокита привели бы ко мне полицию, которую все еще интересовала моя роль в финансовых махинациях супруга.

Рэнди тем временем перешел в режим агента по недвижимости:

---

¹ Известный стейк-хаус в Нью-Йорке. (Прим. ред.)

— Грейси, тебе нужно получить свою кредитную линию. Сейчас. И если понадобятся деньги, никто не узнает о паре пропущенных выплат по ипотеке.

— *Паре?* Ты говорил, что в прошлом месяце был первый раз!

— Мне надо идти. — Он понизил голос. — Главный только что пришел.

Я повесила трубку, провела детей через стеклянные вращающиеся двери, и мы с головой нырнули в невыносимую полуденную духоту. Это был 2010 год, самое жаркое лето в Нью-Йорке за всю историю наблюдений. Серое, но неожиданно светлое небо слепило глаза, волны горячих выхлопов плавил воздух на парковке.

Фитц уговорил Китти уцепиться за него и побежать вместе.

— Давай! Будешь моим реактивным ранцем!

— Осторожнее, — предупредила я, потому что эта игра почти всегда заканчивалась ободранными коленками.

— Мы *очень* осторожно, — сказал Фитц, осуждающе глядя на меня с явным намеком, что я зря драматизирую.

Петли ведущих в бассейн дверей скрипнули, несколько женских голов повернулись в нашу сторону.

Я никогда не была особо тщеславной, но мне стало интересно, что же при взгляде на меня видят эти дамы, только что после полной эпиляции и грязевой ванны.

Если бы мы встретились в Гилдхолле, где я училась драматическому искусству, они бы увидели дерзкую девицу с растрепанным гнездом рыжих кудряшек, считающую, что сидеть на мокрой траве и пить сидр — это такая же важная часть образования, как и декламировать Шекспира. Я тогда пела в тви-поп¹ группе, скручивала

---

¹ Поджанр инди-попа, для представителей которого характерна примитивная простота звучания. (*Прим. ред.*)

идеальные косяки, одевалась весьма экстравагантно, да и компания была под стать: помню, как я разгуливала в коротеньких шортиках и кимоно под руку с неряшливым бисексуалом из Королевского колледжа. Не то чтобы все тут же оборачивались, стоило мне войти в комнату, но в юности мне определенно сопутствовало триединство успеха: амбиции, харизма и немного удачи.

В тридцать с хвостиком у меня уже был Фитц, которого я таскала с собой в модном тогда слинге, а мечты об актерской карьере на подмостках Вест-Энда стали далеким воспоминанием. Но даже тогда я сохраняла дух изысканного бунтарства. Я носила воротнички, как у Питера Пэна, с закругленными краешками, вместе с черными кожаными мини-юбками. Приправляла речь французскими словечками и ругательствами. Я прекрасно себя чувствовала в загородных домах с пятнадцатью спальнями и даже помогала Озу обхаживать инвесторов, чтобы те вкладывали деньги в турецкие кондоминиумы.

Потом, конечно, против него выдвинули обвинения, мы разъехались, и я, в свои тридцать с небольшим, оказалась в Америке «замужем» за успешным риелтором, Рэнди. Староватая для инженеру, я примерила роль избалованной домохозяйки. Полностью полагаюсь на «мужа», который занимался перепродажей домов, зарабатывал на субаренде и закрывал по две-три сделки в неделю. Мой образ жизни можно было назвать праздным: организовывала вечеринки и составляла меню, коллекционировала посуду от Ле Крейзе и духи от Джо Малон. А еще я забеременела Китти. Когда, казалось, у меня было все, рынок недвижимости обвалился и настали времена, требующие отчаянных мер.

Если бы кто-то увидел меня в тот день в Оделл, то испытал бы скорее жалость, а не благоговение. Без регулярных посещений салона рыжие волосы потускнели. Лишившись членства в фитнес-клубе, я раздалась в об-

ласти талии и бедер, и тело стало похоже на поддутый батут.

Бассейн был средненький, если учитывать количество шезлонгов. Никто нас здесь, конечно, не ждал. Я не хотела, чтобы Фитц сильно расстроился, поэтому планировала невинную ложь: проблемы с машиной, испорченный фруктовый сок и больной живот или травма из-за навязчивого желания поковыряться в носу — «Мама Калеба тут только что написала...».

К тому же я совсем забыла упаковать нам обед, поэтому в моих интересах было проявить максимум дружелюбия.

Рядом с неглубокой частью бассейна сидела пенсионерка одинокого вида. Она попивала огуречную воду, замотанная в огромный индийский платок, *дупатту*, и ее богатство бросалось в глаза так же, как шрамы от подтяжек возле ушей. Я остановилась напротив нее, зевнула, демонстрируя скуку, и она рефлексивно меня отзеркалила. Но потом она посмотрела на Фитца и Китти с выражением явного детоненавистничества, и я продолжила поиски, двинувшись вдоль ряда шезлонгов.

Мы прошли мимо малышки, которая сжимала в руках теннисный мячик и цеплялась за свою няню:

— Хочешь посидеть в теньке? — спросила женщина с карибским акцентом, шумно передвигая стульчик.

Обошли стороной молодую содержанку, которая в красках описывала подружке свой ланч:

— Я взяла китайскую лапшу, и она была ну пр-о-осто потрясающая. Только я попросила свинину заменить на яйцо и овощи.

«А вот и оно», — подумала я.

На дальнем конце лягушатника сидели две молодые мамочки и обсуждали переход своих детишек в следующий класс, а расположившаяся чуть в стороне от них третья изо всех сил делала вид, что не подслушивает.